

НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2003

Содержание

1. ВОСПРИЯТИЕ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(1945-1990)
2. СТИХИ
3. ЛЕШЕК ДЛУГОШ

ВОСПРИЯТИЕ ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1945-1990)

Отношения между Польшей и Россией всегда складывались под мощным воздействием политических ситуаций, которые резко обострялись в переломные эпохи. К переломным периодам относятся годы Второй мировой войны и первые годы после ее окончания. Освобождение Польши советской армией спасло польский народ от биологического уничтожения, но не дало ему возможности свободного выбора своего политического устройства. Советский Союз с помощью разных методов, в том числе идеологического давления, навязал Польше свою политическую систему.

О стратегическом замысле советских правящих кругов в отношении Польши и механизме его осуществления можно судить по некоторым новым архивным документам (см.: НКВД и польское подполье 1944-1953 (По «особым папкам» И.В. Сталина). М., 1994; Восточная Европа в документах российских архивов 1944-1953. Т 1: 1944-1948. Москва-Новосибирск, 1997; Т. 2: 1949-1953. Москва-Новосибирск, 1998; Советский фактор в Восточной Европе 1944-1953. Т. 1:1944-1948. Документы. М., 1999). Документы эти показывают, что планы в отношении будущего Польши вынашивались в СССР еще во время войны. 10 января 1944 г. один из высокопоставленных советских дипломатов И.М. Майский в докладной записке на имя В.М. Молотова писал по вопросам будущего послевоенного устройства: «Целью СССР должно быть создание независимой и жизнеспособной Польши, однако мы не заинтересованы в рождении слишком большой и слишком сильной Польши. В прошлом Польша почти всегда была врагом России, станет ли будущая Польша действительным другом СССР (по крайней мере на протяжении жизни ближайшего поколения) никто с определенностью сказать не может. Многие в этом сомневаются, и справедливость требует сказать, что для таких сомнений имеются достаточные основания. Ввиду вышеизложенного осторожнее формировать послевоенную Польшу в возможно минимальных размерах, строго проводя принцип этнографических границ».

В дальнейшем этот замысел видоизменился. С целью советизации Польши были предприняты попытки убедить как русских, так и поляков, что в совместной борьбе с немецким фашизмом, а позднее в ходе строительства социализма родилась новая Польша и формируется новый тип поляка, что должно было быть отражено в культуре.

Советский механизм идеологического нажима на Польшу работал с целью пропаганды политики СССР, коммунистической идеологии, образцов советской культуры, образа «советского человека». Составными его частями были советское посольство, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Совинформбюро, издательство литературы на иностранных языках, объединение «Международная книга», «Совэкспортфильм», радиовещание на польском языке, Иностранная комиссия Союза советских писателей, Общество польско-советской дружбы и др.

С первых дней существования послевоенной Польши активно вмешивается в польские дела советское посольство, давая указания польским политическим деятелям, в том числе в области пропаганды и культуры. Это касалось, например, издательства ППС «Ведза», о котором (в декабре 1946 г.) советник посольства Яковлев заявил Циранкевичу: «Что касается Вашего партийного издательства «Ведза», то, как сами видите, его работа в направлении распространения советской литературы равняется пока нулю. В то же время, заметил я, советская книжка, в частности, литература на художественные темы, могла бы способствовать задаче, которую ставит перед собой ППС, а именно, задаче перевоспитания польского населения в духе дружбы к Советскому Союзу».

В политическом отчете посольства СССР в Польше за 1947 год говорилось: «Идейный уровень культурной жизни Польши резко отстал от достигнутых страной политических и экономических успехов. Польская интеллигенция в своей значительной части еще отрицательно относится к тому прогрессивному повороту, который произошел в Польше после окончания Второй мировой войны. Воспитанная на традициях борьбы за национальное освобождение от гнета русского царизма и служившая антисоветским целям польских реакционных правительств 1918–1939 гг. эта интеллигенция еще никак не перестроилась в отношении понимания нового положения Польши и новых польско-советских отношений.

Положение с новой художественной литературой в Польше таково: в продолжение трех лет, протекших после создания демократической Польши, крупнейшие польские писатели и

поэты всё ещё занимают «выжидательную» позицию. Сейчас такую позицию продолжает занимать Парандовский (член английского пенклуба) и отчасти даже Софья Налковская. Крупнейший польский поэт Тувим дружественно высказывается по адресу новой Польши и Советского Союза, но его еще «точит червь сомнения». Он настойчиво расспрашивал приезжавшую в октябре 1947 г. в Варшаву Ванду Василевскую, соответствует ли советская действительность его идеалам. Нового он пока ничего не написал».

Далее в отчете говорилось о Домбровской, Прушинском, Анджеевском («католический писатель только что издал книгу «Пепел и бриллиант» («Попел и диамант»), целиком посвященную ППР»), Ивашкевиче, Кручковском, Путраменте («творчество Путрамента положительно оценивается советской критикой»), о «реакционном репертуаре» польского театра, который «свидетельствует лишь о том, что успехи ППР на идеологическом фронте еще невелики» и делался вывод о кризисном состоянии польской культуры. Естественно, что в те годы в России, как и много позже, издание польских книг осуществлялось под бдительным оком цензуры.

Для административного управления литературой и искусством использовалась унифицирующая литературное развитие формула социалистического реализма, которая по примеру СССР, насаждалась и в Польше. Упор делался на воспитательную роль литературы социалистического реализма. Критика оперировала понятиями «социологическая конструкция человеческой судьбы» и «социологическая типичность», которые вели к прямолинейному и упрощенному толкованию обусловленности человеческой судьбы общественными процессами, к утрате интереса к внутренней духовной жизни человека, изображение которой отождествлялось с «буржуазным психологизмом». Для поэзии, например, единственным образцом партийная критика провозгласила творчество В. Маяковского советского периода: «Создание качественной современной партийной поэзии равнозначно обращению к Маяковскому и, наоборот, отход от Маяковского равнозначен написанию стихотворений некоммунистических, чуждых рабочему классу» («Одродzene», 1950, №6). Именно такого рода польская поэзия в первую очередь пропагандировалась в советской печати.

Без особого преувеличения можно сказать, что её главным героем стал Сталин, прославленный в десятках панегирических стихотворений, как «вечно живой герой», «вождь человечества», «демиург истории», «лучший друг Польши»,

«преобразователь природы», «борец за мир» и т.п. (Ю. Тувим, В. Броневский, С.Р. Добровольский, К.И. Галчинский, А. Важик, Е. Путрамент, А. Браун, Т. Кубяк, Л. Левин, В. Вирпша и др.).

Были прославлены также Болеслав Берут (в антологии «Стихи о Болеславе Беруте», 1952, приняли участие как молодые поэты В. Ворошильский, Х. Гаворский, Е. Фицовский, А. Каменьская, Т. Кубяк, А. Мендзыжецкий, так и мастера Я. Ивашкевич, А. Слонимский, А. Важик и др.), Феликс Дзержинский (поэма А. Мандальяна «Товарищам по госбезопасности», Л. Левина «Поэма о Дзержинском», сборник стихов «Вечный огонь» под редакцией В. Ворошильского с участием М. Яструна, Т. Кубяка, С. Полляка, А. Мендзыжецкого и др.), Кароль Вальтер Сверчевский (антология «Строфы о генерале Сверчевском», 1952, среди авторов В. Броневский, М. Яструн, С.Р. Добровольский, А. Важик, В. Ворошильский, Т. Кубяк и др.).

Это были риторические стихотворения, как правило, перенимающие современный газетно-публицистический жаргон или имитирующие псевдонародный язык. Их авторы широко использовали призывы, лозунги, клишированные обобщения и идеологический комментарий, который подменяли поэтическую мысль и лирическую интонацию.

Уже в середине 50-х годов в Польше развернулась важная дискуссия о реализме и социалистическом реализме. Наиболее значительными были выступления С. Жулкевского с критикой ограничительных представлений о социалистическом реализме (присущих ранее самому ученому). Концепция Жулкевского с одобрением была воспринята многими литературоведами в России. С точки зрения Жулкевского, социалистический реализм – это исторически видоизменяющийся метод, обогатившийся к середине XX века за счет открытий новаторов литературы и объединяющий такие разные с формальной точки зрения имена, как Горький, Брехт, Шолохов. Маяковский, Арагон, Мальро, Кручковский и др. По тем временам это была свежая точка зрения. Однако в сознании большинства писателей к тому времени социалистический реализм связывался со схематическими произведениями и нормативными художественными рецептами.

Кстати, об отношении советских властей к Жулкевскому. 13 февраля 1950 г. посол СССР в Польше Лебедев сообщил Беруту о том, что Москва отказала в визах для «деятели польской литературы Жулкевского и Федецкого». В ответ Берут заявил, что ему неизвестно «лицо» Федецкого в прошлом, но вступился за Жулкевского, который, по его словам, «усиленно работает

над тем, чтобы стать хорошим марксистом и хорошим литератором». «Хотелось бы, – заявил далее Берут, – чтобы советские товарищи помогли нам его вырастить». Заступничество Берута не помогло Жулкевскому, который в Советском Союзе всегда оставался под подозрением. В «президентском» архиве РФ хранится документ с пометками на полях Сталина, разосланный 18 февраля 1952 г. помощником Генерального секретаря МИД СССР В.Н. Кузнецовым Сталину, Молотову, Берия, Маленкову, Булганину. Это запись его беседы с дочерью Ю. Мархлевского, в которой она давала такую оценку Жулкевскому: «Институтом литературных исследований руководит некто Жулковский, [так в документе] журналист времен санации. В этом институте делают вид, что подготавливают марксистскую историю польской литературы. Жулковский – ловкий проходимец, усвоил марксистскую терминологию, но не верит сам в то, что говорит».

В этой же беседе отмечалось, что Леон Гомолицкий – «бывший белогвардеец», что «в издательстве «Книга и знания» сидят бывшие и настоящие враги, шпионы и диверсанты».

После 1948 г. разворачивается масштабное советское наступление на польском идеологическом и культурном фронте. Так, 21 марта 1949 г. заведующий 1У Европейским Отделом МИД СССР С.П. Кирсанов направляет руководству «Предложения об усилении советского влияния на культурную жизнь Польши, Чехословакии и других стран Восточной Европы». Кирсанов считал, что значительная часть польской интеллигенции «ещё не встала на путь прямой поддержки нового народно-демократического строя, еще идет на поводу у наиболее реакционной верхушки буржуазии, связанной тысячами нитей с реакционными империалистическими кругами западных стран».

Примечательно раздражение советского посла в Польше В.З. Лебедева в справке о теоретической конференции, посвященной работам Сталина по языкознанию, которая состоялась в Варшаве 4 декабря 1950 г. Он обвиняет в ней «польских буржуазных ученых, специалистов по языкознанию, прибывших из Кракова» – Нича, Дорошевского, Штибера, Урбаньчика, Лер-Сплавиньского(весь цвет польской лингвистики) в том, что они «воспользовались предоставленной им трибуной для того, чтобы развернуть свое собственное знамя в защиту буржуазной идеалистической лингвистики, представителями которой они являются».

Ярким примером бесцеремонного советского отношения к польской культуре и вмешательства во внутренние дела

Польша является письмо посла СССР в Польше Г. Попова В.М. Молотову от 25 августа 1953 г. по поводу польского национального гимна. В этом письме, в частности, говорилось: «Польская Народная Республика до сего времени не имеет нового польского национального гимна, созвучного по своему содержанию эпохе, переживаемой Польшей (...)

Текст гимна в политическом отношении абсолютно устарел и по своему содержанию является антирусским и шовинистическим».

Рассматривая проявления советской имперской политики по отношению к Польше и её культуре, безусловно повлиявшие на взаимное видение поляков и русских, надо иметь в виду и усилия творческой интеллигенции, в том числе полонистов, по распространению в России не только схематической и пропагандистской продукции, но и произведений польского классического литературного, театрального и музыкального наследия, которое поддерживало в обществе престиж польской культуры.

Политические события 1956 года внесли существенные изменения в общественную и культурную жизнь и в Польше, и в Советском Союзе. В России живейший интерес вызвали те обновительные процессы, которые с середины 50-х гг. протекали в польской культуре. Привлекало в ней утверждение человеческого достоинства, выявление противоречий между стремлениями личности и удовлетворением ее потребностей, резкая критика извращений в общественной жизни страны, расцвет художественного эксперимента, издание широкого круга произведений польских и зарубежных авторов, ранее недоступных читателю, попытка пересмотреть навязанный пропагандой слащавый образ «советского человека» и многое другое.

Однако для политического руководства СССР Польша оставалась рассадником всякого зла. На этот раз – «ревизионизма», с которым под давлением КПСС развернула борьбу и ПОРП. Защиту устоявшихся догм в области литературы было призвано, в частности, проводить специальное литературное приложение к центральному органу ПОРП «Трибуна Люду» – «Трибуна Литерацка». Стоило рецензенту «Вопросов литературы» критически отозваться о некоторых материалах этого приложения, как на него последовал донос. В своем письме в ЦК КПСС А. Дирингерова сообщала: «Во втором номере журнала «Вопросы литературы» [1958] критик Хорев полемизирует с «Трибуной Литерацкой» (...). Стоило ли подрывать авторитет польской партийной прессы, борющейся

в очень трудных условиях с ревизионистскими перегибами? На мой взгляд, не стоило. Так поступают критики и редакторы, которые из-за деревьев не видят леса, не охватывают совокупности вопроса, не разбираются в политической и литературной жизни сегодняшней Польши»(РГАНИ. Ф.5. Оп. 36. Д. 64. Л. 4-11).

В ревизионизме была обвинена в советской печати редколлегия польского журнала «Опиние» («Мнения»), призванного представить польскому читателю подлинные ценности русской литературы вместо широко пропагандируемых в Польше схематических произведений социалистического реализма. Первый номер журнала вышел в августе 1957 г. В нем были опубликованы не издававшиеся в то время в Советском Союзе стихотворения Хлебникова, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, фрагмент романа «Доктор Живаго». Было издано всего два номера – после резких нападок на журнал в советской печати он был закрыт.

Советские власти пытались всячески воспрепятствовать новым подходам к изображению жизни в польской литературе. Посол П. Абрасимов в докладной записке «О некоторых вопросах культурного сотрудничества между СССР и ПНР» сообщал в МИД СССР: «...в октябре 1957 г. вышли две порочные по своему содержанию книги Е. Анджеевского «Темнота покрывает землю» и К. Брандыса «Мать Королей», вокруг которых польская пресса подняла большой шум и по которым была бы желательной реакция со стороны советской литературной критики»(Там же. Д. 57. Л. 11-12).

В 1956 г. председателем правления Союза польских писателей был избран А. Слонимский (в 1959 г. его сменил на этом посту Я. Ивашкевич). О его приезде в 1958 г. в Москву Министерство иностранных дел СССР доносило в ЦК КПСС: «В 1958 г. Советский Союз по приглашению СП СССР посетил председатель Союза польских писателей А. Слонимский, известный своими антисоциалистическими взглядами и антисоветскими выпадами. СП СССР оказал Слонимскому исключительно теплый прием и незаслуженные почести. Более того. Слонимскому была предоставлена возможность выступить с изложением своих взглядов на страницах «Литературной газеты», что вызвало естественное недоумение прогрессивной части писателей и кругов партийного актива Польши» (там же. Д. 123. Л. 63-64).

14 октября 1958 г. Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей постановила обратить внимание редакции «Литературной газеты» на то,

что она допустила грубую ошибку, опубликовав интервью с А. Слонимским, содержащие тенденциозную оценку положения в современной польской литературе.

В апреле 1960 г. посольство СССР в Польше подготовило письмо «О некоторых вопросах состояния идеологической работы в Польше». В нем говорилось, что после попыток реставрировать капитализм в открытой борьбе в 1956 г. враг сосредоточил усилия на идеологическом фронте, что идет подрыв позиций социализма, который сказывается и в литературной жизни: съезд писателей во Вроцлаве в декабре 1958 г. «был превращен ревизионистскими элементами в руководстве Союза польских писателей во враждебную в отношении партии манифестацию» (там же. Д. 128. Л. 45–49). Особое внимание обращалось на то, что «нормой поведения многих функционеров» стало пренебрежение советской культурой. «Учитывая ревизионистскую разболтанность, безответственность и упаднический характер творчества многих польских писателей и публицистов», посольство считало необходимым сохранение в Польше цензуры (там же. Л. 59).

Накануне съезда польских писателей в декабре 1965 г. варшавское отделение писательского союза направило партийному руководству меморандум с протестом против цензуры и других ограничений творческой деятельности. В связи с этим советское посольство сообщало в Москву об оппозиционной деятельности К.Брандыса, Л. Колаковского, В. Ворошильского, Я. Бохеньского, И. Неверли и др. Посольство приходило к выводам: польская литература «отстает от жизни», в ней не преодолены «чуждые социализму» течения, многие литераторы связаны с эмиграцией, ревизионисты обвиняют своих противников в антисемитизме, издание в Польше солженицынского «Ивана Денисовича» послужит «дискредитации советской действительности» (там же. Л. 217–218).

Бесцеремонно вмешивались советские власти в работу советских полонистов, которые пытались представить советскому читателю правдивый образ Польши, ее культуры и литературы. Полонистику, как и другие области, «опекали» не только Главлит, т.е. официальная цензура и добровольные цензоры – редакторы издательств, но и непосредственно высшее партийное руководство, инструкторы специального Отдела ЦК КПСС, который занимался «братскими социалистическими странами». Приведу лишь два примера из собственной практики. В середине 70-х гг. мною была

подготовлена к изданию антология современной польской литературной критики. Книга («Поиски и перспективы. Литературно-художественная критика в ПНР», М., 1978) вышла в свет в сильно урезанном виде после разгромной рецензии инструктора ЦК по Польше. В рецензии в частности, говорилось: «Необходимо исключить из сборника статьи Томаша Бурека «Скрытый роман» и Марии Янион «Война и форма», авторы которых тесно связаны с оппозиционными элементами в стране.

Представляется также целесообразным снять материалы двух литературных дискуссий: «Критики о литературе» (дискуссия в журнале «Месенчик литерацки») и «О творчестве молодых писателей» (дискуссия в журнале «Нове ксьёнжки»), а также статьи Марина Стемпеня «Сложные пути литературы народной Польши» и Влодзимежа Мачёнга «Перед лицом войны и оккупации», поскольку они дают извращенную, пессимистическую картину истории развития польской литературы в послевоенные годы и содержат грубые выпады в адрес культурной политики Польской объединенной рабочей партии на отдельных ее этапах (...)

Следовало бы, по моему мнению, заменить статью Романа Шидловского «Польский театр: рубеж тридцатилетия», рассчитанную прежде всего на западного читателя, в которой автор разбирает в основном спектакли либо сомнительные в идейном отношении, либо поставленные в чисто авангардистском духе.

Желательно также заменить статью Зигмунта Греня «Драматургия Леона Кручковского», поскольку она дает несколько искаженное представление о творчестве этого выдающегося польского писателя и драматурга, одного из основоположников социалистического реализма в Польше(...)

Необходимо, по возможности, снять упоминания о Е. Анджеевском, одном из руководителей созданного в Польше в конце прошлого года пресловутого «Комитета защиты рабочих» – открыто оппозиционной антисоциалистической организации, деятельность которой, как и самого Е. Анджеевского, была подвергнута резкой критике со стороны ЦК ПОРП и лично тов. Э. Герека.

В отдельных статьях сборника упоминаются фамилии В. Гомбровича, С. Мрожека, К. Брандыса, С. Жулкевского. В. Гомбрович и С. Мрожек эмигрировали из Польши и выступали в свое время с антисоциалистическими заявлениями. К. Брандыс является одним из активных

деятелей оппозиции. С. Жулкевский за свои ревизионистские взгляды был выведен из состава ЦК ПОРП.

По этим соображениям упоминание их фамилий необходимо свести до минимума» (рецензия с личной подписью рецензента хранится в архиве автора).

А в «Отзыве на статью о польской литературе для «Литературного энциклопедического словаря» (это уже 1987 год) тот же инструктор-рецензент писал: «Во-первых, необходимо убрать из статьи все места, в которых говорится об угнетении Россией Польши, репрессиях царизма и т.д. Не секрет, что оппозиционные элементы в Польше широко используют эти факты для разжигания в стране антирусских, антисоветских настроений.

Во-вторых, очень уж часто авторы статьи употребляют термин «патриотический». Нельзя забывать о том, что острее национально-освободительной борьбы польского народа в XIX веке было направлено прежде всего против царской России (восстания 1830 и 1863 г.) и русские нередко изображались как поработители и угнетатели поляков (...)

Необходимо изъять из статьи фамилии польских литераторов, связанных с оппозицией (К. Филипович, В. Шимборская, В. Терлецкий) или сдавших в знак протеста против введения военного положения партийные билеты (Т. Новак, А. Кусьневич)» (отзыв с личной подписью рецензента хранится в архиве автора).

Думаю, что процитированные выше отзывы не нуждаются в дополнительных комментариях, кроме того, что названные и другие имена польских творцов были хорошо известны широкому кругу русской интеллигенции, которая совершенно иначе, чем власть предержащие, оценивала польскую культуру, в том числе современную.

Пик популярности в России не только польской поэзии, но и польского кино, театра, живописи – 60-е годы, когда Польша стала для русской интеллигенции, по словам Бродского, «источником культуры», «информационным каналом, окном в Европу и мир», когда многие в России (в том числе и Бродский) изучали польский язык, чтобы читать доступные тогда польские газеты и журналы, а также современную западную литературу в польских переводах, поскольку «культурная информация, доходившая до России, была невероятно ограниченной».

«Польша была поэтикой моего поколения» говорил Бродский в конце своего творческого пути, и эти его слова могут служить эпиграфом к полонофильским симпатиям в русском обществе в 60–90-е годы.

Об этом же свидетельствует и поэт В. Британишский, отдавший десятилетия своей творческой жизни переводам из польской поэзии. В статье «Польша в сознании поколения оттепели» он писал: «Польское окно в Европу было одновременно окном в свободу, в свободу от бесчисленных запретов, из которых состояла наша российская жизнь».

В недавно вышедшей в свет книге воспоминаний Самойлова «Перебирая наши даты» немало страниц посвящено размышлениям о Польше. «Резкая самостоятельность польского самосознания», польская национальная гордость, которые способствовали в самых неблагоприятных условиях созданию сильной и самостоятельной культуры, явились причиной его «любви к Польше, любви, позже ставшей как бы частью мирозерцания и не угасающей, несмотря на поступки польского общества, порой трудно приемлемые.

Любовь к Польше – неизбежность для русского интеллигента».

Большой интерес русских писателей и читателей к Польше, начиная с 1956 г. не случаен. И в 1956 году, и позже Польша выступала застрельщицей кардинальных общественных преобразований. Значительная часть русской интеллигенции восхищалась демократизмом польской общественной жизни по сравнению с Советским Союзом и завидовала полякам.

8 января 1971 г. известный литературный критик Игорь Дедков записывает в своем дневнике: «За 14 лет поляки сами, миром, народом сменяют второе правительство. Польша не згинела. Нам такое недоступно(...) Нами правят – без идей, без лица, без языка – не правят, а взнуздывают».

«Как признаться стране в любви? – писал И. Дедков в дневнике в 1985 г. – В той самой любви, что смутна и нечленораздельна? В той, что, как всякую любовь, не выразишь, не объявишь? Она накапливалась во мне с 56-го, наращаясь потом стихами Тувима и Броневского, прозой Ясенского, сатирой Мрожека и Леца, фильмами Вайды, Мунка и Кавалеровича, книгами Брандыса, Брезы, Ставиньского, Выгодского, Лема, музыкой радио Варшавы, наконец, поэзией Ружевица и Бачинского, долетающими фразами кардинала Вышинского, легендами о Варшавском восстании и еще – позже всего – тремя крестами, вставшими памятником в Гданьске.

Я еще много чего пропустил, много кого... Ивашкевича и Сенкевича, и даже службу моего дедушки в Варшаве в Первую мировую...»

25 августа 1980 г. Д. Самойлов сделал в дневнике запись: «Молодцы поляки! Не сгинела, значит». А драматург Михаил Рошин вспоминал в 1995 г. о том времени: «Первый подлинно серьезный и даже сокрушительный удар нашему лже-социализму нанесла, конечно, верфь Гданьска. Помню, я написал экспромт “Да здравствуют поляки, рабочий и юрист, когда дойдет до драки, – пойдя у них учись”».

Многие созданные в 80-е – начале 90-х гг. стихотворения русских поэтов полны искренней симпатии и уважения к польскому народу, его истории, культуре и литературе. “Что-то есть в поляках такое!” – восклицал Борис Слуцкий в стихотворении “Месса по Слуцкому” (1987), а Николай Тряпкин славил “громкий псалом той любви и свободы, что в нас никогда, никогда не умрут”, звучащий в польском костеле в Иркутске (в стихотворении “Костел в Иркутске”, 1987) О Польше мечтал Владимир Корнилов: “Точно Речь Посполита, ты мне вроде мечты. А она до обиды недоступна, как ты” (стих. “Свидание”, 1989). О “сумасбродной Польше” и “Москве кипящей” беседует с другом Евгений Рейн в стихотворении “Второе мая, Памяти Ильи Авербаха” (1990), символом Польши становятся для Генриха Сапгира поэзия Галчиньского, памятники культуры в Кракове (“Возвращение на Итаку”). Примеры подобного восприятия Польши и её культуры можно умножать бесконечно. Они доказывают, что в области культуры политика советской власти проиграла с поэтикой. Устойчивым пластом для сопротивления идеологическому давлению оставались национальные культурные традиции, которые не удалось вытравить из сознания людей либо приспособить их к нуждам коммунистической идеологии.

Вплоть до 90-х годов XX в. каждый канон польской литературы. моделирующий ее историю, был в России зависим от политической конъюнктуры. Только в условиях демократического общественного развития, после отмены цензуры, наступило время, когда стало возможным представить польскую литературу без всяких изъятий, в реальном сосуществовании и противоборстве различных идейных и художественных течений. Несмотря на то, что российским полонистам в 1945–1990 годах удалось познакомить русского читателя со многими ценностями польской литературы и культуры благодаря изданиям важных книг и антологий, в которых часто удавалось “протащить” и

“неблагонадежные” произведения (например, “Божественный Юлий” Я. Бохеньского), благодаря лекциям, предисловиям и комментариям к изданиям, в советские времена нельзя было и подумать, например, о переводах ведущих представителей польской литературы XX века – Шульца, Гомбровича, Виткация. Сегодня произведения этих авторов переведены на русский язык, но сегодня круг читателей польской литературы сузился не только по причине малого числа переводов с польского. Сегодня, с начала 90-х годов, современную польскую литературу, например, представляет у нас почти в одиночестве популярная Иоанна Хмелевская – переведены почти все ее произведения, по которым поставлены и продолжают сниматься телесериалы. Массового русского читателя в ее иронических детективах привлекают не только фабула, возможность эмоционального сопереживания разных жизненных ситуаций требующих находчивости и небанальных решений, но и занимательный для него образ современной Польши, отсутствующий в большинстве других современных польских романах, которых к тому же практически нет на нашем книжном рынке.

СТИХИ

Лешек Длугош наверняка известен как исполнитель авторских песен и заметная личность в краковском кабаре «Погребок под Баранами». Но, пожалуй, не все знают, что он еще и прекрасный поэт. Это незаурядный и совершенно немодный артист.

«Душа на плече» — последний сборник его стихов и песен, изданный вместе с диском. Я принимала участие в замечательном вечере, когда представляли эту книгу. Лешек разговаривал с людьми своими стихами, пел песни, играл — в тот вечер он был воистину артистом. Люди, которые едва умещались в зале, были, как и я, взволнованы его личностью.

Он знает, откуда вырос и куда идет. Он не иконоборец, которому хотелось бы все начинать заново. Его стихи говорят о корнях. В них есть уважение к другим, к тем, что были раньше, лучше, а это среди наших современников позиция непопулярная. Лешек — человек в наше время необыкновенный, чудесно несегодняшний. Однако я уверена, что его чувства, то, как он воспринимает и комментирует мир, многим близки. Он умеет остановить мгновение, в которое слышна тишина. Умеет остановиться возле осыпанного алмазными розами куста, как в стихотворении «Под францисканской сенью». С нежностью, проникновенностью, а в то же время сдержанно и просто. Он прекрасно рассказывает о мире, о жизни, о людях, об искусстве. Я люблю то, что делает Лешек Длугош, потому что меня это попросту трогает. Трогает меня эта простота в соединении с прекрасными и сильными чувствами, которые он вкладывает в свои внимательные рассказы о мире и о себе в этом мире.

В суматохе, сопутствующей нам каждодневно, минута с его стихотворением или песней помогает набрать дыхания и лучше жить. И хотя этот сборник стихов — для всех и каждого, а все-таки прежде всего для тех, у кого есть хоть какие-то эмоциональные связи и с Краковом и кому, не дай Боже, пришлось этот город покинуть.

Тереса Будзиш-Кшижановская

*

*

*

В общем пространстве

Герои романов изначально

Живут жизнью мертвых.

Уже в первой главе

Ход событий предопределен.

Ничего не изменится.

Апелляции невозможны.

В один и тот же час (в любом издании)

Прибудет поезд для Анны Карениной.

Консул в который раз останется

Под Вулканом.

Так же бережно

И ничуть не иначе

В финале склонится терновник

Над Тристаном и Изольдой.

Как написано так и будет.

Точно так же однажды и мы

Наконец ускользнув (как нам хочется верить) из тела

Невесомые вольные

Начнем такую же жизнь

Слово — жест

Намеренье — случай

Все что было здесь с нами

Будет по-прежнему повторяться

В том же порядке

Ни на волос не иначе

Чем запишет (если запишет) чья-нибудь
память

В этом общем пространстве

Где все равны

Собираются

Тени из прошлой жизни

Со страниц романов

И страниц реальности.

Я вижу как они толпятся

Перед входом в чистилище

Жмутся друг к другу.

Слышу как они повествуют

(Без особой охоты

И не то чтобы оживленно)

О том

Сквозь какой рай и ад

Прошли они прежде

Чем так или этак сюда добрались.

Ноты

Мы словно птицы спящие в гнездах

На нотном стане

Где же тот кому ведом секрет

Наших полетов

Без козырей

— Нет больше дамы

— Нет короля

— Нет ни страха

— Ни боли

Только теперь — под сводом из дерна

Только теперь — при свете корней

Сыграем в открытую — без козырей

Могила Стравинского

Здесь на венецианском кладбище

На стыке земли облаков и моря

Так же как в жизни

На перекрестке стилей эпох языков

(Он начинал по-французски чтобы пробившись

Сквозь англо-немецкие дебри кончить фразу

По-русски)

— Здесь на венецианском кладбище

Надгробный камень Стравинского

Вечный скиталец

Из чащи северных мифов

Сквозь дикий огонь плясового ритма

К благоговейной С и м ф о н и и П с а л м о в

От фольклора к додекафонии

Из Москвы и Парижа в Нью-Йорк

Беспрестанно — т у д а и о б р а т н о

Был ли он где-нибудь — у себя?

Вечное заграницье...

Верный до гроба — Посол одного и того же Дела

Он был кочующей

Летучей Столицей Музыки

Двадцатого века

Здесь на венецианском кладбище

На стыке земли облаков и моря

Ради какой любви и какой тайны

Именно здесь, рядом с Дягилевым

В одной из многих стран тех лет?

Может затем чтобы вспомнить тот Город?

на стыке земли облаков и моря

Что называл он когда-то в юности

Санкт-Петербургом?..

Не знаю

Но это немного похоже на правду

Встреча с Тремя Волхвами

I

Что там с вами, Волхвами

Королями, Царями?

Что за немочь вас не пускает?

Уж весна на пороге

А вы все в дороге

Хоть река уже лед ломает.

Может, я слишком скоро

Прибежал в этот город

Нет вестей — но не мог я иначе.

Мать сыночка рожала

На тот свет провожала -

Здесь не слышно детского плача.

Нерожденного Бога
Встретит ночь у порога
За столами здесь глухо молчат.
Ангел скрылся в метели
Разглядеть не успели —
Не бегут не зовут не кричат.

II

Что там с вами, Волхвами
Королями, Царями?
Вести слишком дурные, чтоб верить.
Но скажите, скажите
Отчего вы молчите
Отчего не спешите проверить?
Где звезда? Отсияла...
Ваша сила пропала
Иль дороге вы больше не рады?
Где даров ваших груды?
Расседлайте верблюдов
Постоим у лозы виноградной.
Вон как речка играет
Острова омывая
Ветер чайку к волне прижимает
Тростники зеленеют
Песней с берега веет
Наша ива опять расцветает...

III

Что там с вами, Волхвами
Королями, Царями?
Время вышло — пора вам в дорогу
Вы расскажете дома
То что видели сами:
Здесь не ждут, а живут понемногу
Здесь река полноводна
Рыбы сколько угодно
Но любви не хватает жестоко
Неземное сиянье —
Одно лишь названье
А от неба до неба — далеко...

У гроба Сырокомли
(Экскурсия в Вильно)

Ты погребенный так
Что надо сквозь кордоны
Продратся
Чтоб пучок травы охапку
Родного слова
Положить к Твоей могиле
 Спи, Товарищ, твои бранные останки
Не вздохнут и не поймут
Какие были грозы -
И какие весла разгребали
Хаос времени
И заводи печали

Преданный земле в своем краю
Ты теперь лежишь в чужом...
Душе и горя мало —
Ведь душа не знает
И не знала
Где кордон
Меж племен
— Ходит чаша круговая
Длится нота золотая
Над границей вне времен
Ты здесь среди своих Ты свой
И что нам договор чужой?

Так прими же вздох привета
Из-под Вавеля со мною
Долетел он в город Вильно
В этот час
К Твоей могиле

Спи, Товарищ, во мраке гроба
А за песни — поклон особый.
Пусть пасхальные барвинки
Оплетут Твой скорбный камень
Польских, русских и литовских –
Здесь их много разных. Амен.

Вильнюс, апрель 1993

* * *

Они беспечны — под случайным кровом вкушают мир

не ведая о камне что
выпал из стены

О справедливые — они вершат свой суд не забывая

кому обязан служить
закон

Они мудры — всегда дают ответы согласно воле тех

кто вопрошает

Они спокойны — на земле так много злодейств

содеянных отнюдь не ими

Они отважны — окружив заботой свидетелей и славы

и бесчестья

Они верны — их зорко охраняет клеймо измены

тех кто предал раньше

О милосердные — кормя свою гордыню они бросают

нищим подаянье

Они добры — стечение обстоятельств

их алчность обратило в
бескорыстье

Они смиренны — головы склонили чтоб увидеть

кого повалит ветер

Счастливые — они утомлены смертями близких -

на отчаянье нет сил

— Вот десять заповедей страусиных.

Я другое дерево

Я другое дерево

Не чужое, просто другое

Я д р у г о е дерево

Услышь меня, о Вселиственный

Всемогущий Разноголосый
Я пою о себе, а значит и о Тебе.
Я — другое
Отдельное дерево общего Дерева.
Ты ведь полон Деревьями до горизонта
Ты поймешь и простишь
Я не забуду, что я лишь одно из Твоих деревьев.
Помни и Ты -
Что на весь Твой бескрайний простор
И на всю Твою вечность
Я — только одно т а к о е
И только однажды
Не чужое — другое
Д р у г о е
Просто другое дерево.
Никогда и нигде так не будет
Это место со мной повенчано
Никогда и нигде облака
Так не будут молчать надо мной
И только однажды, однажды за целую вечность
Проплывают они
Над моей головой...
Я другое, другое дерево.
Я пою о себе, а значит и о Тебе.
Я в Тебе, я в сплетенье деревьев
Я слышу единую музыку

Не забуду — помни и Ты
Голос у каждого свой
Значит, мне в ствол ударит
Мое безмолвие.
Так позволь –
Видеть так, как я вижу
Говорить, как я понимаю
Дышать, как умею
Позволь мне любить, как могу.
Я не чужое
Д р у г о е
Я просто д р у г о е
Другое
Отдельное дерево общего Дерева
Понимаешь ли Ты?..
В свою защиту
Если Бог когда-нибудь спросит меня
Что я делал на белом свете
Я подумаю, низко пред ним склоняюсь –
Без греха-то ведь кто?..
Разве дети...
Помолчу, осмысляя вины своей жуть
А потом наконец
Скажу:
Там, где бьет чудесный любви родник
И я к истоку приник

Все, что только

И как только

Можно любить

Я любил

И любовью жил.

Если Господь при своем дворе

Все же найдет мне место

Об одном попрошу Его — поскорей

Направить меня в оркестр

В самую скромную из капелл

При троне Его крылатом

Чтоб я Ему сыграл как умел

Как я играл когда-то

И хотя душа уже в небесах

Для нее все земное –

Рядом.

Господи, слышал ли Ты, как в садах

Весна звенит над Попрадом?

Когда в восторге — лицом к лицу

Любящие молчаливы

А ветерок над рекой танцует

Играя листьями ивы

То темной

То серебристой стороною их повернет...

И тут-то — я уже слышу — Господь вздохнет

И скажет, вздохнув еще тише:

«Ах, да, я, кажется, слышал...»

Перевод Андрея Базилевского

Петр Мицнер

ЛЕШЕК ДЛУГОШ

Что нужно знать о Лешеке Длугоше?

Для любопытствующих:

Родился в 1941 году. Учась в средней школе, одновременно обучался игре на фортепьяно. Продолжал учиться музыке и тогда, когда стал студентом отделения польской филологии в Ягеллонском университете. Писал песни для студенческого кабаре. В 1956 г. начал выступать в замечательном краковском кабаре «Погребок под Баранами», с которым оставался связанным до 1978 года. В 1964–1966 гг. учился на актерском факультете Театрального института в Кракове. Играл в кино, в частности в кинофильмах Анджея Жулавского.

Издal девять книг своих текстов (песен и стихов), выступает с концертами, записывает диски. Живет, разумеется, в Кракове.

Для эмоциональных:

Как верно говорит видная краковская актриса Тереса Будзиш-Кшижановская, Длугош «разговаривает своими стихами». И не только своими. Он положил на музыку стихи Яна Кохановского, Ежи Либерта, Юлиана Тувима, Станислава Балинского. Положенные на его музыку, они заговорили его характерным голосом.

Длугош — не звезда, он хозяин, а его концерт — не концерт, а приход в гости, дружеская встреча. При этом его композиции чрезвычайно изысканны (но это закамуфлировано), изящны. Под простотой таится лирическая шутка, зачастую самоирония. По-своему затрагивает он и самое главное: то перешучиваясь с Господом Бога, то посмеиваясь над безжалостным бегом времени. В моем воображении Лешек Длугош сидит над рекой времен и ловит рыбу.

В его песнях и стихах переплетаются печаль и бодрость, взрослая мудрость и детская радость. Попросту Длугош умеет выразить то, что все мы чувствуем, только стесняемся в этом признаться.

А какой он рассказчик! Жаль, что вы его не слышите...